

ТРУД актера... драматического актера... Как его оценить? И вообще, что такое этот труд? Сложен он или легок? Бытует мнение, что скорее легок. Огни рампы. Праздник на сцене, праздник в зале. И это, действительно, так. Люди приходят в театр, чтобы ощутить это праздничное настроение. Сопережить с героями удивительное в их жизни. Все так. И еще бытует понятие, что довольно просто оценивать игру актера. Ведь нередки заявления: «Это он делает не так! Здесь бы надо... там бы следовало...»

Юрий Соломин мягко улыбнулся, и я подумал, что этот очень популярный актер немало размышлял над тем, что говорит сейчас. Нет, ему, конечно, не приходится жаловаться на невнимание зрителя, на его холодность, на такие вот заявления «здесь бы надо...». Миллионы телезрителей с напряженным сопереживанием следили за Павлом Кольцовым в фильме «Адютант его превосходительства». Немало кинолент создано о разведчиках. И каждый, кто смотрел такие фильмы, понимал, как труден и рискован их труд. Именно труд, потому что, кроме блестящих операций, погоней и схваток, рядом с ними и ранее их текли тяжелые, напряженные будни, если так можно назвать дни без стрельбы и тревожных сирен. Этот труд разведчика мы увидели в фильмах «Мертвый сезон», «Майор Вихрь», «Операция «Трест». Этот труд предстал перед нами в телефильме «Адютант его превосходительства». И тем-то нам и стал дорог, тем-то и запомнился Павел Кольцов, что предстал он перед нами не супергероем, а очень понятным и близким, знакомым человеком. Юрий Соломин вспоминает иногда разные истории, которые произошли с ним вскоре после выхода на экран популярного фильма. Однажды в автобусе две разговорчивые старушки вдруг прервали свою беседу.

— Смотри, живой! — воскликнула одна.

Видимо, в ее представлении образ Павла Кольцова настолько слился с исполнителем этой роли, что она забыла об актере. Юрий Соломин для нее стал Павлом Кольцовым и не более.

— Оценка зрителя — главная оценка работы актера. Но драматический актер соприка-

сается со зрительным залом непосредственно. Еще не начался спектакль, а мы уже стремимся узнать своего зрителя. Какой он сегодня? Как он воспримет первую фразу, первый твой шаг? Как протянется та незримая нить контакта, которая сделает сцену и зал единым организмом? Уже здесь проявляется особенность драматического актера, непременность его психологической грамотности. Да, он должен быть психологом.

Юрия Соломина не просто занимают, но глубоко интересуют и волнуют проблемы психологии. Не вообще, понятно, но связанные с театром, его зрителями, с работой над ро-

прозвучал его монолог. Именно так и именно здесь был он настоящим. И актер стал проносить монолог. И если говорить о премьере, то она состоялась именно в тот момент, когда густел вечерний мрак в пустой квартире, когда в немом окне играли последние отблески уходящего дня.

Великий просветитель прошлого Дени Дидро говорил, что актер должен быть с холодной головой, что главное не сердце, а разум. Тот, кто играет «нутром», может сыграть блестяще свою роль лишь однажды. И, наоборот, актер с холодным, разумом может предстать перед зрителем в том или ином образе столько,

сколько. Как-то после спектакля, около полуночи я возвращался домой. День был тяжелый, я с утра почти ничего не ел. Страшно устал. А тут еще в автобусе сдавили со всех сторон. Стою изогнутый весь, помывший. И так мне себя жалко стало! Взглянул в окно, а в стекле я отражаюсь. Хлестаков! Сам Хлестаков, который приехал в богом забытый город без денег, голодный, жалкий, всего боится. Что будет с ним дальше, не знает! И я, видимо, стал шептать слова роли. Старушки, что сидели рядом, забеспокоились, начали на меня боязливо поглядывать. Потом одна торопливо поднялась и стала протискиваться подалеже... На другой день Ильинский хохотал. «Как же я не додумался до этого?» — удивлялся он.

Хлестаков Юрия Соломина и слабоволен, и нахален, и глуп, но не настолько, чтобы не увидеть, что вокруг него собрались люди еще глупее, труслив и хитер.

Труд актера. Он оправдывается, когда актер в постоянном поиске, когда он ищет не только внешние, но более всего внутренние, глубоко психологические черты характера, когда рождение образа идет как процесс органического, синтетического слияния внутреннего и внешнего. В этом процессе истинный актер познает и свое место, свою действительную роль в спектакле или фильме, находит в себе мужество заявить, что в новом прочтении пьесы, сценария, при данном режиссерском замысле предпочтительней главному герою уйти несколько в тень, чтобы не нарушить замысла или даже стать второплановым. У Юрия Соломина такое мужество есть. Когда ему предложили роль известного русского путешественника — исследователя Арсеньева, он стал много работать, изучил буквально каждую страницу жизни своего героя. Было потрачено много времени и сил. И все-таки Соломин предложил главным героем фильма сделать верного спутника путешественника Дерсу Узала.

— Так что же такое труд актера?

Юрий Соломин улыбается.

Труд актера сегодня — это не просто труд, подражателя, это труд творца и исследователя, только предмет его исследования необычен, потому что он — человек.

С. СЕНДЮКОВ.

ПЕРЕД СЦЕНОЙ

Из блокнота журналиста

лю. Соломина называют актером психологического плана. И то, что это действительно так, показывает его работа над ролью царя Федора.

— Мне предложили роль совершенно неожиданно. Сроки были до предела сжаты. Пришлось одновременно учить огромный текст и думать над образом.

Б устоявшемся представлении царь Федор — сын Ивана Грозного был по крайней мере слабоумным. А если это не совсем так? Если слабоумием в век крови и беспощадности его отца считалась человеческая доброта, желание мира в государстве, людского покоя, прекращения междоусобиц?

— Мысль, что я должен найти ту точку, с которой можно было бы взглянуть на Федора по-новому, следовала за мной неотступно. Где же в этом многолистном тексте были те слова, та сцена, которая бы неожиданно осветила образ? И однажды...

День клонился к вечеру. Сумерки наполнили комнату. В окно глядела церковь. Солнце последним горячим светом золотило купол. Да, да, именно так было, когда царь Федор опустился на колени, когда

сколько понадобится. Мол, полное отсутствие «чувствительности» рождает величие актера. Но зритель хочет и разума, и сердца. И это знают те, кто уходит в свою уборную со сцены, когда в зрительном зале царит праздник.

Слово «однажды» — нередкое слово в воспоминаниях писателя и музыканта, артиста и художника. Однажды родилась первая музыкальная фраза, однажды явился образ главного героя романа, который годами ускользал, оставался за семью печатями.

Однажды и для Юрия Соломина явился образ Хлестакова. Много лет его блестяще играл на сцене Малого театра Игорь Ильинский. Он-то и предложил Соломину принять у него эстафету. Легко сказать, «возьми» Хлестакова! Казалось, уже не осталось ни одного движения, ни одного жеста, ни одной интонации, которые бы не учел в своей филигранной игре большой артист Ильинский.

— Но Ильинский настаивал. Уверял, что получится. Сам стал работать со мной. Терпеливо, не считаясь со временем. Работали много и трудно. Шли дни. Хлестаков не полу-